

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278

Динамика трудовой миграции в Башкортостане*

Г.Ф. Ахметова

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан
ул. Кирова, 15, Уфа, 450008, Россия
(e-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru)

Аннотация. В статье представлены результаты анализа ряда показателей широко распространенного в России социального явления — внутрироссийской трудовой миграции, в которой в 2019 году участвовало около 2,9 млн россиян, или 4% занятого населения. Речь идет о внутренних трудовых мигрантах, которые временно работают за пределами своих регионов. Данный вид трудовой миграции россиян имеет много общего с временной трудовой занятостью в США, Канаде и Австралии (*long distance commuting* (LDC), *fly-in/fly-out* (FIFO)). Эмпирические данные статьи представлены материалами официальной статистики (обследований рабочей силы Федеральной службы государственной статистики за 2011–2019 годы) и социологических исследований, проведенных в российском регионе с относительно высоким уровнем временной занятости — Республике Башкортостан — в 2015–2019 годы. Статистические данные показывают ярко выраженную региональную специфику временной занятости в стране. Основная масса (около 72%) внутрироссийских трудовых мигрантов проживает в трети регионов с высоким и средним уровнем временной трудовой миграции. В ряде регионов динамика участия населения во временной трудовой миграции носит нисходящий характер. Субъекты с низким уровнем временной трудовой занятости и нисходящей ее динамикой принимают наибольшую долю мигрантов из других регионов. Социологические данные показывают, что для жителей Башкортостана характерна разная вовлеченность во временную занятость — в зависимости от места проживания, гендера и возраста, брачного статуса и уровня образования. Аналогичные социально-территориальные и социально-демографические особенности проявляются и на общероссийском уровне. Если внутренняя трудовая миграция на федеральном уровне как инструмент социально-экономического развития способствует снижению дефицита трудовых ресурсов в определенных регионах и отраслях экономики и потому поддерживается соответствующими нормативно-правовыми актами, то на региональном уровне она ослабляет трудовой и демографический потенциал регионов, «отдающих» трудовых мигрантов. Сохранение экономического и демографического потенциала, усиление конкурентоспособности таких регионов возможно при условии развитии рынков труда и трудовой мобильности в пределах регионов.

Ключевые слова: трудовая миграция; вахтовая занятость; регионы; город; село; возрастные группы; уровень жизни; семья; здоровье

Неотъемлемой частью российской действительности, характерным явлением экономической и социальной жизни страны является временная трудовая миграция. Уровень участия населения в ней неуклонно растет: доля

* © Ахметова Г.Ф., 2021

Статья поступила 02.09.2020 г. Статья принята к публикации 26.11.2020 г.

занятого населения, временно работающего за пределами своих субъектов, с 2011 по 2019 годы увеличилась с 2,7% до 4,1%, или с 1,9 до 2,9 млн человек (1). Среди них около двух третьих (в 2019 году — 1,8 млн человек) составляют лица, выезжающие на заработки с недельным и более ритмом [7]. Их можно условно назвать вахтовыми мигрантами — в отличие от маятниковых, возвращающихся домой ежедневно. По мнению экспертов, реальная численность временных трудовых мигрантов значительно выше [4. С. 76], тем более что статистика не учитывает тех, кто работает в пределах своих регионов [6. С. 88].

Вахтовая занятость широко использовалась с 1950–1970-х годов при разработке нефтяных и газовых месторождений в СССР [8. С. 107, 108; 13. С. 19]. В российском законодательстве вахтовые методы работы обозначены как трудовой процесс в районах необжитых, отдаленных или с особыми природными условиями, с четко прописанными правилами и принципами организации труда и отдыха работников [11]. Сегодня вахтовые методы используются не только в газовой и нефтяной сферах [4–6; 9–10; 14]. Временная трудовая миграция «предполагает выезд на заработки с периодичностью не чаще одного раза в неделю (недельный ритм), или с меньшей периодичностью, вплоть до появления дома несколько раз в год — в отпуск, на продолжительные праздники» [5. С. 21]. Данное определение отражает основные черты современной вахтовой занятости — регулярность и периодичность выездов, длительность отсутствия дома (в своем населенном пункте) от одной недели до нескольких месяцев. Вахтовой можно назвать миграцию, независимо от ее направлений, выполняемых работ, географии и природно-климатических условий, в которых она осуществляется, при условии регулярности и длительности выездов.

Вахтовые формы занятости распространены и в других странах — США (Аляске), Норвегии, Канаде, Австралии и др. В зарубежных исследованиях вахтовая миграция обозначается терминами *long distance commuting* (LDC) и *fly-in/fly-out* (FIFO). Во втором случае имеется в виду форма организации временных работ горнодобывающими компаниями, когда работник определенное время находится на работе вдали от своей общины. Считается, что такой вид временной трудовой занятости имеет и положительные, и отрицательные стороны как для принимающих, так и для отдающих общин. Поскольку его масштабы будут и дальше расти, необходимо искать пути оптимального взаимодействия между тремя участниками — государством, общинами и работодателями [19. С. 1162–1163]. Необходимость тесного сотрудничества компаний, всех уровней власти и общественности отмечают и исследователи *long distance commuting* — чтобы вахтовая работа стала средством создания и развития устойчивых сообществ, хотя растущая экономическая зависимость отдающих регионов от занятости их жителей на выезде может усиливать социально-экономическую уязвимость этих территорий [16]. Помимо вопросов влияния вахтовой занятости на развитие принимающих и отдающих сообществ, в зарубежных исследованиях рассматриваются вопросы влияния временной трудовой занятости на образ жизни и самочувствие мигрантов и их семей [16; 18].

В статье предпринята попытка оценить динамику участия разных социально-демографических и социально-территориальных групп региона (на примере Республики Башкортостан) в вахтовой миграции на фоне общероссийских тенденций. Выбор Республики Башкортостан обусловлен уровнем временной трудовой миграции в регионе — более высоким, чем в среднем по России, поэтому процессы трудовой миграции в Башкортостане привлекают внимание как российских, так и зарубежных ученых. В 2011–2015 годы были проведены исследования на северо- и юго-востоке республики и сделаны выводы о роли вахтовой миграции как инструмента социальной мобильности семей вахтовиков [17]: вахтовая миграция в северные регионы стала реакцией населения на структурные проблемы села. В условиях ограниченных возможностей и отсутствия поддержки со стороны государства в решении социальных и экономических проблем вахтовый мигрант берет на себя ответственность за будущее своей семьи. При этом свое положение он ощущает как маргинальное — по причине отсутствия работы у себя дома, на родине, к которой он привязан [17. С. 152–154, 170–171, 212]. О привязанности вахтовых мигрантов к привычной социокультурной среде говорит и М.С. Туракаев, проводивший исследования на северо-востоке республики: они имеют высокий социально-экономический статус в своих поселениях и реализуют несколько типов мобильной занятости [13. С. 12–14].

Статья написана по материалам социологических исследований, проведенных в Башкортостане при непосредственном участии автора. Два из них охватывали все население республики и были проведены методом стандартизированного интервью по месту жительства респондентов (2015 и 2019 годы) (2); по аналогичной методике был проведен третий опрос сельского населения республики (2018) (3); четвертое исследование среди вахтовых мигрантов и их супругов, а также опрос экспертов были проведены при поддержке РФФИ в 2018 году в двух малых городах и пяти сельских районах республики (4). Также были использованы данные официальной статистики — результаты обследования рабочей силы Росстата за 2011–2019 годы [2; 7] — и данные муниципальных районов Республики Башкортостан о численности временных трудовых мигрантов в сельских поселениях за 2015–2018 годы, предоставленные по запросу Института стратегических исследований Республики Башкортостан.

Динамика временной трудовой миграции в субъектах РФ в 2011–2019 гг. (5)

По уровню участия занятого населения во временной трудовой миграции российские регионы были разделены на три группы: с высоким (свыше 10%), средним (5–10%) и низким (менее 5%) уровнем участия (в Таблице 1 представлены первые две группы). Между двумя «трехлетиями» число регионов, где доля временных трудовых мигрантов превышала 10%, осталось практически неизменным (6 и 7 субъектов соответственно), но изменились максимально высокие значения участия занятого населения во временной трудовой миграции и состав регионов, входящих в эту группу.

Таблица 1

**Регионы с высоким и средним уровнем участия занятого населения
во временной трудовой миграции, в среднем в год, 2011–2013, 2017–2019 гг., % [2]**

2011–2013		2017–2019		
Субъекты	Доля в составе занятого населения	Субъекты	Доля в составе занятого населения	Темпы роста/ снижения к 2011–2013 гг., %
Российская Федерация	3	Российская Федерация	4	33
Высокий (свыше 10%)				
1. Республика Адыгея	16,6	1. Московская область	20,6	62,2
2. Московская область	12,7	2. Ленинградская область	19	62,4
3. Чувашская Республика	11,7	3. Республика Адыгея	16,7	0,6
4. Ленинградская область	11,7	4. Чувашская Республика	13,3	13,7
5. Республика Калмыкия	11,7	5. Республика Калмыкия	12,5	6,8
6. Тульская область	10,8	6. Республика Марий Эл	11,9	28
		7. Еврейская АО	11,1	23,3
Средний (от 5 до 10%)				
1. Республика Марий Эл	9,3	1. Республика Мордовия	9,6	29,7
2. Еврейская АО	9	2. Орловская область	9,2	39,3
3. Ивановская область	8,9	3. Брянская область	9,1	35,8
4. Владимирская область	8,5	4. Владимирская область	8,9	4,7
5. Пензенская область	8,1	5. Тульская область	8,9	-17,5
6. Республика Мордовия	7,4	6. Республика Башкортостан	8,6	30,3
7. Тамбовская область	6,8	7. Ивановская область	8,5	-4,5
8. Брянская область	6,7	8. Смоленская область	8,4	42,3
9. Тверская область	6,6	9. Пензенская область	8,2	1,2
10. Орловская область	6,6	10. Тверская область	7,7	16,6
11. Республика Башкортостан	6,6	11. Омская область	6,8	23,6
12. Курганская область	6,4	12. Курганская область	6,6	3,1
13. Смоленская область	5,9	13. Кабардино-Балкарская Республика	5,8	155,3
14. Калужская область	5,8	14. Курская область	5,7	9,6
15. Омская область	5,5	15. Ульяновская область	5,5	10
16. Курская область	5,2	16. Саратовская область	5,4	
17. Ульяновская область	5	17. Калужская область	5,2	-1,7
		18. Волгоградская область	5	

Если в 2011–2013 годы самый высокий показатель был 16,6% в Республике Адыгея, то в 2017–2019 годы — уже 20,6% и 19% в Московской и Ленинградской областях. В последних темпы роста участия занятого населения выросли более чем на 60% (вдвое выше среднероссийского уровня), в Адыгее остались на прежнем уровне. Незначительно повысилось участие занятого населения в Чувашии и Калмыкии, которые в течение всего рассматриваемого периода входили в группу регионов с высоким уровнем временной трудовой миграции. В связи с ростом показателей данную группу в 2017–2019 годы дополнили Марий Эл и Еврейский автономный округ, а в связи со снижением покинула Тульская область.

Почти втрое больше регионов со средним уровнем участия занятого населения во временной трудовой миграции — их число практически не изменилось (17 и 18). Половина из них входит в состав Центрального федерального округа, и в них к 2017–2019 годам проявились противоположные тенденции. С одной стороны, в трех регионах наблюдались самые высокие темпы роста уровня временной занятости: в Смоленской (на 42%), Орловской (на 39,3%), Брянской (на 35%) областях; с другой стороны, в трех других регионах произошло снижение, особенно в Тульской области (на 17,5%), а также в Ивановской (на 4,5%) и Калужской (на 1,7%). В других субъектах ЦФО со средним уровнем временной трудовой занятости наблюдались разные темпы ее прироста: во Владимирской области — на 4,7%, Курской — 9,6%, Тверской — 16,6%. Около трети регионов в группе со средним уровнем участия входят в Приволжский федеральный округ (Пензенская, Ульяновская области, республики Мордовия и Башкортостан), по одному — в Сибирский (Омская область), Уральский (Курганская область), Северо-Кавказский (Кабардино-Балкарская Республика) и Южный (Волгоградская область) федеральные округа.

По итогам 2017–2019 годов общее число регионов с высоким и средним уровнем участия занятого населения во временной трудовой миграции составило 25, или менее трети субъектов РФ (29%). Вдвое больше регионов с низким уровнем участия населения во временной трудовой миграции — 58 субъектов, или 68%. Несмотря на то, что субъектов с высоким и средним уровнем значительно меньше, именно из них выезжает большая часть временных трудовых мигрантов страны — более 2,1 млн человек, или 72% в среднем в год в 2017–2019 годы.

Динамика вовлечения в вахтовую миграцию групп населения Башкортостана

Республика Башкортостан — регион на территории Урало-Поволжья, где проживает более 4 млн человек. Здесь выше, чем в среднем по России, доля сельского населения (около 38%). Более четверти жителей республики проживают в столице — городе-миллионнике Уфе (28%), пятая часть (17%) — в больших городах, десятая (11%) — в средних, 6% — в малых [1. С. 17]. Республика дифференцирована по уровню социально-экономического развития:

наиболее развиты центральные, западные, южные территории, наименее — юго-восточные и северо-восточные (слабо урбанизированы).

Основное направление временной занятости в республике — сибирские регионы, что связано со спецификой республики как региона с развитой нефтяной промышленностью. Так, по данным Росстата, в 2019 году только в Тюменскую область с автономными округами выехало более 65% всех временных трудовых мигрантов Башкортостана (треть всех временных трудовых мигрантов области — 29%). Вторым направлением временной трудовой занятости для жителей республики стала граничащая с Башкортостаном Челябинская область, где работало в 2019 году около 5% всех временных трудовых мигрантов (половина внутренних мигрантов области — 49%). Примерно 6 тысяч жителей Башкортостана выехали в Свердловскую область и составили более четверти ее временных трудовых мигрантов (27,4%) [12]. Всего, по данным Росстата, временные трудовые мигранты трудятся более чем в 40 регионах страны.

Для определения доли вахтовых мигрантов в составе разных групп населения в ходе репрезентативных опросов был задан вопрос, приходится ли респондентам выезжать из своих населенных пунктов на работу длительно — от недели до нескольких месяцев. В 2015 году положительно ответили на вопрос 7,4%, в 2019 году — 8,9%. Среди них работали в указанные годы за пределами Башкортостана 58,9% и 66,3%, в Башкортостане — 41,1% и 33,7%, в том числе в столице республики — 23,3% и 26,4% соответственно. В среднем по России от 20% до 25% выездов на работу совершаются в пределах регионов [6. С. 83]. Выделенная категория респондентов, независимо от местонахождения работы (в республике или за ее пределами), была условно обозначена вахтовыми мигрантами, а их выезды на работу — вахтовой миграцией, т.е. речь идет о группе респондентов, регулярно работающих за пределами своих населенных пунктов и возвращающихся домой не реже одного раза в неделю.

Социологические данные показывают более высокий уровень вахтовой миграции у жителей сел. Представленность вахтовиков различается по типам городов: в малых городах их доля выше, чем в средних, в средних выше, чем в больших, самый низкий уровень — в столице республики. Если в 2015 году эта тенденция проявлялась не так отчетливо (доля вахтовых мигрантов в средних городах была меньше, чем в больших), то в 2019 году стала более выраженной (Рис. 1). Данные по Республике Башкортостан подтверждают общероссийскую тенденцию: чем крупнее поселение, тем ниже доля участвующих в трудовой миграции [6. С. 81]. С 2015 по 2019 годы доля вахтовиков выросла с 7,4% до 8,9%, но не во всех типах поселений: значительное увеличение доли вахтовых мигрантов, более чем в 1,5 раза, произошло в селах — с 8,7% до 14,8% (в 2018 году — 15,9%); в Уфе осталась практически такой же — ниже 3%; в больших городах сократилась с 7,3% до 4,4%; незначительно выросла в малых (с 9,2% до 10,9%) и средних городах (с 6,1% до 8,5%). Можно увидеть закономерность: чем ниже статус поселения, тем быстрее растет вахтовая занятость населения.

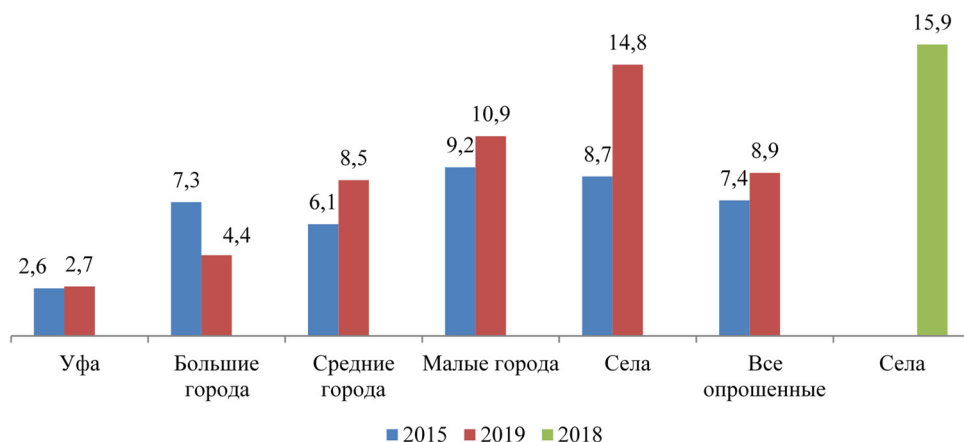

Рис. 1. Участие респондентов в вахтовой миграции по типам поселений, %

Увеличение доли участников вахтовой миграции среди сельского населения показывают и данные сельских поселений муниципальных районов за 2015–2018 годы: численность вахтовых мигрантов выросла с 55,4 до 75,4 тысяч человек, или с 6,1% до 9,4% сельского трудоспособного населения республики. Этот показатель сильно дифференцирован на уровне муниципальных районов — от 3–5% в центральных до 25–30% в удаленных, окраинных районах, особенно на севере и северо-востоке. Схожие тенденции наблюдаются и в других регионах: «Доля трудоспособного населения, работающего именно на отходе, с отлучками из дома более чем на один день, но с постоянным возвращением, в обследованных сельских районах Нечерноземья колебалась от 5% до 30% населения в трудоспособном возрасте и зависела от близости к крупному центру, транспортного положения, демографического состава, набора предприятий и их состояния, в общем, от экономико-географических факторов» [4. С. 76].

В общей структуре вахтовых мигрантов доля сельских жителей в Башкортостане, по данным опроса 2019 года, составила около 65,5%, жителей средних городов — 11,5%, Уфы и больших городов — по 8%, малых городов — 6,9%. По данным Росстата, в 2019 году в общероссийской структуре временных трудовых мигрантов сельские составили среди работающих в своем субъекте 21,8%, за его пределами — 33,8% [7], т.е. в Башкортостане доля сельских жителей несколько выше, чем по России в целом.

Как правило, трудовая миграция предполагает более высокий уровень участия мужчин, чем женщин. Так, в Башкортостане в 2015 году в вахтовой занятости участвовало 12,9% опрошенных мужчин и 2,8% женщин, в 2019 году — 14,7% мужчин и 4% женщин. Если в первый год проведения опроса среди вахтовых мигрантов мужчины составляли 79,5%, а женщины — 20,5%, то к 2019 году мужчин стало чуть меньше — 76%, а женщин больше — 24% (по России — 76,2% и 23,8% соответственно [7]). Причем рост и мужского, и женского участия в Башкортостане произошел главным образом в сельской

местности. Так, на селе доля вахтовых мигрантов увеличилась среди женщин с 3,1% до 8,7%, среди мужчин — с 14,8% до 22,2%, в Уфе и других городах уровень вахтовой занятости женщин несколько снизился, мужчин — вырос незначительно (Рис. 2).

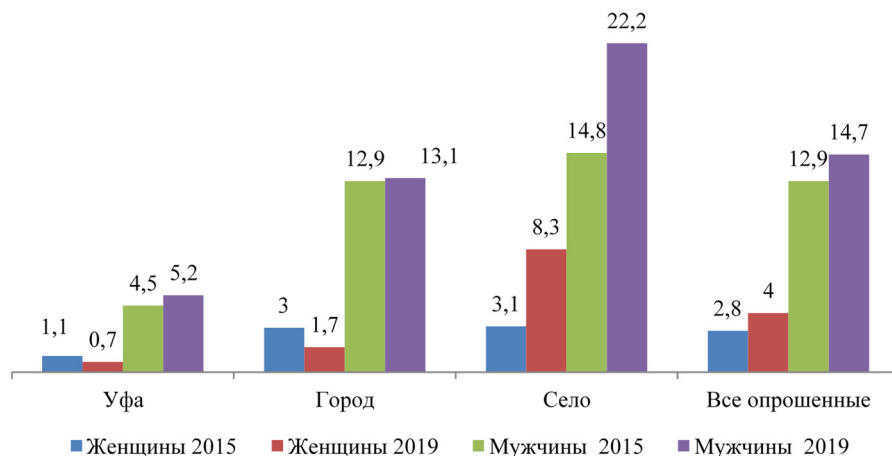

Рис. 2. Участие в вахтовой миграции по гендерным и социально-территориальным группам, %

Основной вклад в рост вахтовой занятости внесла молодежь до 24 лет: среди женщин этой возрастной группы уровень участия в работе на выезде вырос с 2015 по 2019 годы более чем в два раза — с 9,9; до 21%, у мужчин — с 14,6; до 25,9%. В остальных возрастах женское участие с небольших значений еще больше снизилось (Рис. 3).

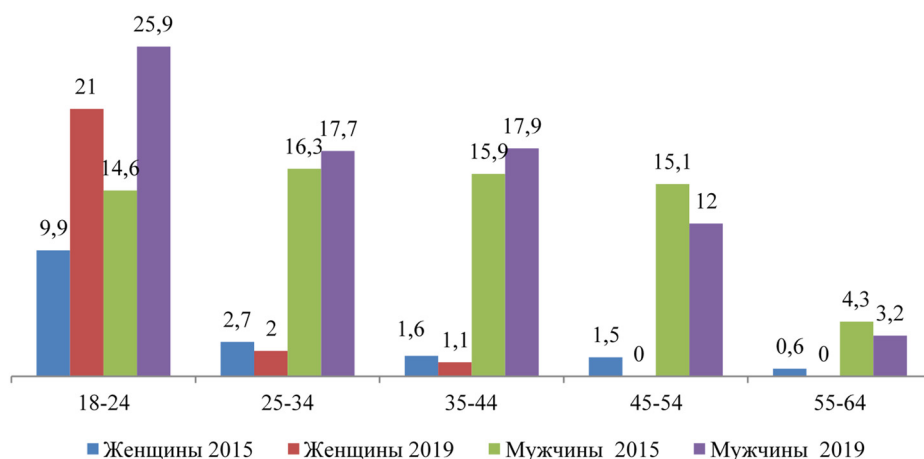

Рис. 3. Участие в вахтовой миграции по гендерным и возрастным группам, %

Уровень занятости на выезде относительно стабилен среди 25–44-летних мужчин (рост с 16% до 18%), а в старших возрастах снижается: среди 45–54-летних мужчин — с 15,1% до 12%, 55–64-летних — с 4,3% до 3,2%.

Анализ вахтовой миграции возрастных групп в социально-территориальном разрезе показывает, что рост активности молодежи до 24 лет произошел главным образом на селе — с 16% до 52,5%. В городах республики (кроме столицы) относительно низкий уровень участия молодежи изменился незначительно (с 10% до 12,3%), а в Уфе опустился до нулевых значений (Рис. 4).

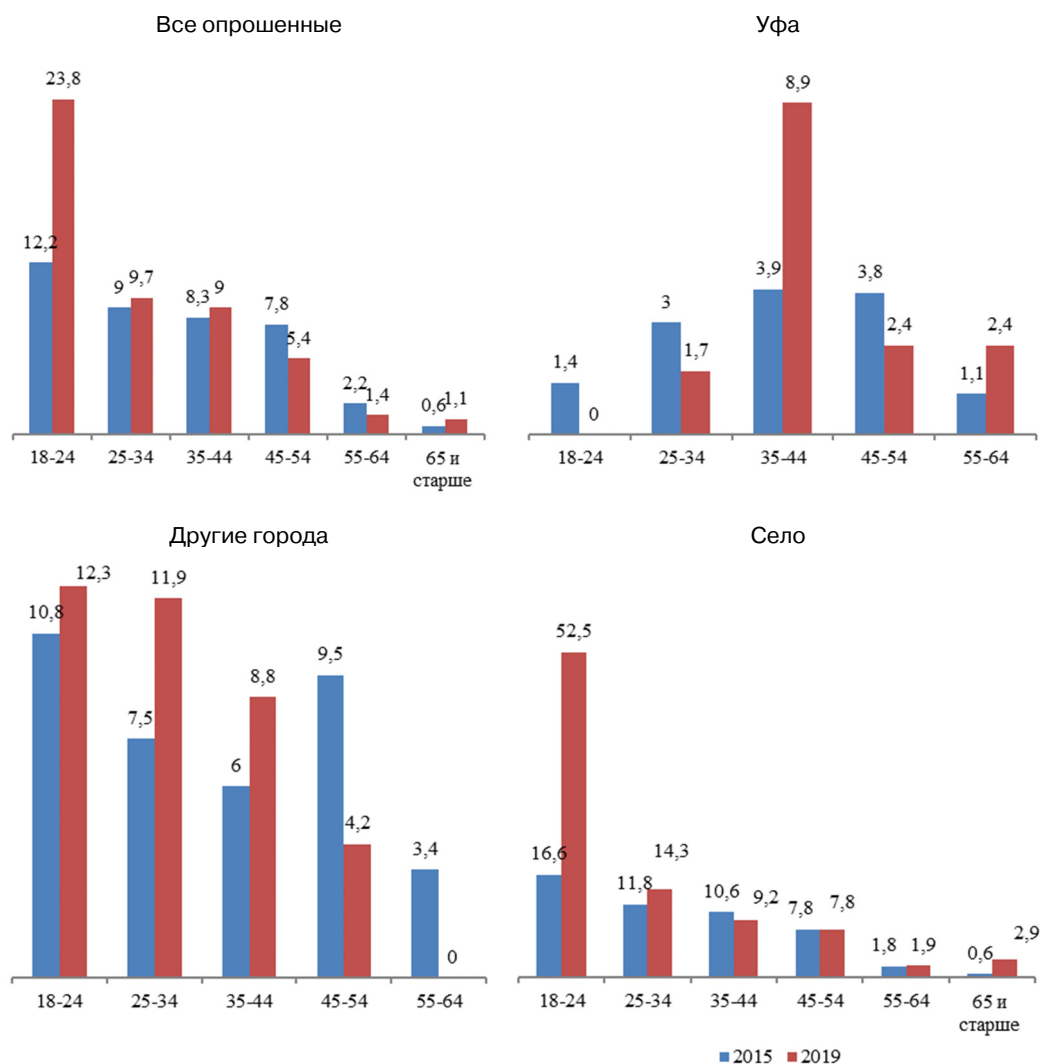

Рис. 4. Участие респондентов в вахтовой миграции по возрастным и социально-территориальным группам, %

В другой возрастной группе молодежи (25–34 года) наблюдался незначительный рост трудовой миграции в селах (с 11,8% до 14,3%) и городах (с 7,5% до 11,9%), в Уфе повторилась тенденция снижения (с 3% до 1,7%). В целом по выборке уровень участия этой группы остался на том же уровне, как и у респондентов более старшей возрастной группы 35–44 лет (9%). Последние активно включились в вахтовую занятость в Уфе, и доля вахтовиков среди

них выросла в столице с 3,9% до 8,9%, достигнув уровня других городов (рост с 6% до 8,8%) и сел (небольшое снижение с 10,6% до 9,2%).

К 2019 году возрастная структура участников вахтовой миграции характеризовалась значительной представленностью молодежи до 24 лет (44%), пятой частью молодежи 25–34 лет (22%), чуть меньше — респондентами 35–44-х лет (18%), десятой частью группы 45–54 лет (13%) и очень незначительно — людьми старше 55 лет (3%). Возросшая доля сельской молодежи Башкортостана среди вахтовых мигрантов не вполне соответствует традиционному возрастному профилю трудовой миграции в стране — молодежь в ней всегда была представлена незначительно [5. С. 36].

Вовлеченность молодежи в вахтовую занятость способствовала тому, что в составе вахтовых мигрантов возросла доля не состоявших в браке: доля вахтовиков увеличилась среди холостых мужчин с 14,3% до 20,8%, незамужних женщин — с 9,9% до 16,8%. Стабилен уровень участия мужчин, находящихся в зарегистрированном браке, — 12% по итогам обоих опросов (Рис. 5). В брачной структуре вахтовых мигрантов в 2019 году значительную долю, помимо холостых/незамужних, не имевших брачного опыта (48%), составили респонденты в зарегистрированном браке (41%); десятая часть — живущие в незарегистрированном браке (7%), вдовы и разведенные (4%).

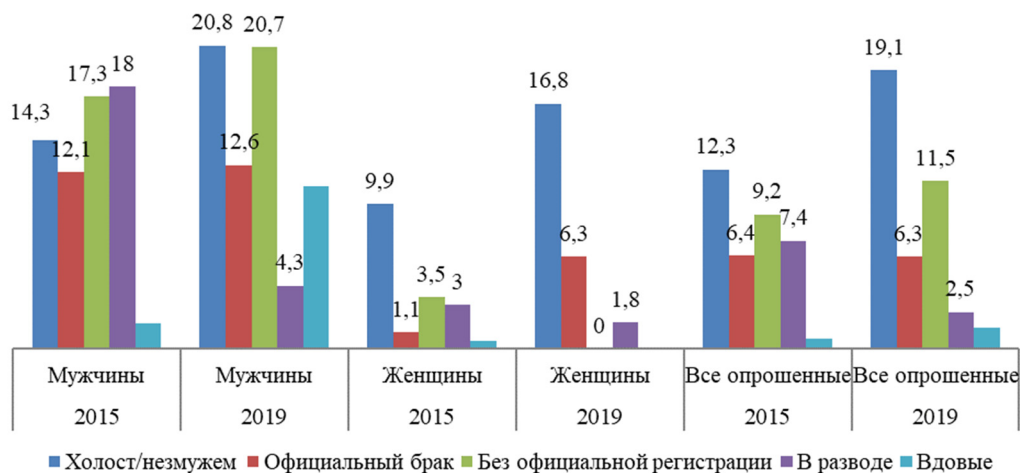

Рис. 5. Участие респондентов в вахтовой миграции по гендерным группам и брачному статусу, %

Участие молодежи способствовало и тому, что в структуре вахтовых мигрантов возросла доля респондентов с основным и общим школьным образованием — с 14,9% до 24,4% — и средним специальным образованием (с 29,6% до 45,3%), но почти втрое сократилась доля респондентов с высшим образованием (с 30,3% до 10,5%).

Временная трудовая миграция, динамика которой в стране носит преимущественно восходящий характер, регионально дифференцирована по

масштабам и темпам роста, что во многом обусловлено особенностями социально-экономического развития регионов. Большая часть регионов (около двух третей) демонстрирует относительно низкий уровень участия занятого населения во временной трудовой миграции (менее 5%), меньшая часть — регионы с высоким (более 10%) и средним (5–10%) уровнем участия, где сконцентрирована наибольшая доля временных трудовых мигрантов (72%).

Временная трудовая миграция имеет ярко выраженные территориальные и социально-демографические особенности, которые проявляются в неодинаковой вовлеченности населения по критериям места проживания, гендерной и возрастной принадлежности, брачного статуса и уровня образования. Особенности проявляются как в общероссийском масштабе, так и в региональном: например, в Республике Башкортостан выше, чем в среднем по России, доля сельского населения и молодежи до 25 лет среди временных трудовых мигрантов. Согласно социологическим данным вахтовые мигранты и их супруги рассматривают такую занятость как вынужденную меру в интересах выживания их семей. Между двумя ценностями — материальным благополучием и семейным — большинство выбирает ценность семьи (80,3% в 2018 году).

Эксперты, опрошенные в селах и малых городах республики, отмечают, что вахтовая миграция влияет в основном отрицательно на семейные отношения (супружеские — 55% и детско-родительские — 68%), состояние здоровья (75%) и социально-демографическое развитие территорий проживания вахтовых мигрантов (59,4%). Среди положительных эффектов было названо только повышение доходов и уровня жизни семей (90,8%). Большая часть экспертов (60,5%) уверена в необходимости регулирования вахтовой миграции в республике в целях ее сокращения. На уровне региональной власти проводится идея возвращения вахтовиков домой, «чтобы наши земляки, работающие, опытные специалисты не уезжали тысячами от своих семей в другие регионы», «чтобы люди в республике могли найти рабочие места и достойные зарплаты» (6).

Межрегиональная трудовая миграция как инструмент социально-экономического развития и регулирования рынка труда имеет разное значение на федеральном и региональном уровнях. В первом случае она способствует сокращению дефицита трудовых ресурсов на определенных территориях и сферах экономики, из чего вытекает необходимость ее развития — государство принимало соответствующие меры и нормативно-правовые акты (7). В то же время очевидна проблема ослабления трудового и демографического потенциала отдающих регионов, хотя временная трудовая миграция решает острые материальные проблемы населения. В рамках государственной политики в сфере занятости и внутренней миграции целесообразно сделать акцент на развитии локальных рынков труда и трудовой мобильности в пределах регионов.

Примечания

- (1) В то же время в 2019 году по сравнению с предыдущим годом впервые снизилось число временных трудовых мигрантов (примерно на 76 тысяч человек по стране).
- (2) «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года» (Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, Башкирский филиал)

- Института социологии ФНИСЦ РАН, 2015; N = 6264) и «Проблемы социально-демографического и социально-экономического развития Республики Башкортостан» (Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, 2019; N = 1000).
- (3) «Стратегия социально-экономического развития муниципальных образований Республики Башкортостан до 2030 года» (Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, 2018; N = 4412).
 - (4) «Внутренняя трудовая миграция жителей сел и малых городов Башкортостана: факторы и последствия» (Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, проект РФФИ № 18-411-020028, 2018: опрос в двух малых городах и пяти сельских районах: 1) 200 семейных пар, в которых один из супругов является временным трудовым мигрантом; 2) эксперты — главы сельских поселений, руководители муниципальных администраций, представители образовательных учреждений).
 - (5) Анализ участия населения во временной трудовой миграции проведен без выделения вахтовых и маятниковых мигрантов по причине отсутствия данных о категориях временных трудовых мигрантов. Вероятно, в большинстве регионов вахтовые мигранты составляют большинство участников временной трудовой миграции (за исключением Московской, Ленинградской областей, Республики Адыгея, где доминируют маятниковые мигранты в Москву, Санкт-Петербург и Краснодарский край) [14. С. 31].
 - (6) Послание Главы Республики Башкортостан Р.Ф. Хабирова Государственному Собранию — Курултаю Республики Башкортостан (10.12.2019) // URL: <http://gsrb.ru/ru/supplement/message-rb/poslanie-glavy-respubliki-bashkortostan-10-12-2019.php>.
 - (7) Например, Распоряжение Правительства РФ от 24 апреля 2014 г. № 663-р «О плане мероприятий по повышению мобильности граждан РФ на 2014–2018 гг.» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70546340>; Федеральный закон от 22 декабря 2014 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О занятости населения в Российской Федерации” в части повышения мобильности трудовых ресурсов и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70726322>; Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 465-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70730750>.

Библиографический список

- [1] Демографические процессы в Республике Башкортостан. Уфа, 2019.
- [2] Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2019 // URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13265>.
- [3] Карачурина Л.Б. Вахтовая миграция в юго-восточном Башкортостане // Республика Башкортостан. Демографический доклад. Вып. 4 / Под ред. А.Н. Дегтярева, А.Р. Кузнецовой, Г.Ф. Ахметовой. Уфа, 2020.
- [4] Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М., 2016.
- [5] Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая пространственная мобильность россиян на примере жителей малых городов. Препринт. М., 2015.
- [6] Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 3.
- [7] О межрегиональной трудовой миграции в 2019 году // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf.
- [8] Нуйкина Е.В. Влияние вахтового метода работы на принимающие города российского севера (на примере города Воркуты) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013. Вып. 2.
- [9] Плюснин Ю.М. Российское отходничество: вехи многовековой истории // ЭКО. 2019. № 11.
- [10] Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М., 2013.

- [11] Трудовой кодекс Российской Федерации (ред. от 31.07.2020 г.). Гл. 47. Особенности регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/b28df2870d3c3b2aeb65f905c59c7ddc1b139dd0.
- [12] Трудовая миграция жителей Республики Башкортостан в 2019 году. Уфа, 2020.
- [13] Туракаев М.С. Социокультурные факторы воспроизводства мобильной трудовой занятости в российском регионе (на примере северо-востока Республики Башкортостан). Автореф. дисс. к.с.н. СПб., 2016.
- [14] Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. М., 2015.
- [15] Gallegos D. 'Airplanes Always Come Back': Fly-in Fly-out Employment: Managing the Parenting Transitions. Perth, 2005.
- [16] Hoath A., McKenzie H.F. The Socio-Economic Impacts of Long-Distance Commuting on Source Communities. Perth, 2013.
- [17] Öfner E. In den Norden fernpendeln — Arbeitsmobilität im ruralen Baschkortostan. Doctoral thesis. Vienna, 2017
- [18] Sibbel A Living FIFO: The Experiences and Psychosocial Well-Being of Western Australian Fly-in/Fly-out Employees and Partners. Edith Cowan University, 2010.
- [19] Storey. K. Fly-in/fly-out: Implications for community // Sustainability. 2010. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278

Dynamics of labor migration in the Republic of Bashkortostan*

G.F. Akhmetova

Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan
Kirov St., 15, Ufa, 450008, Russia
(e-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru)

Abstract. The article considers some indicators of the widespread social phenomenon in Russia — labor migration, which, according to the data for 2019, involves about 2.9 million Russians, or 4% of the employed population. These are internal labor migrants who temporarily work outside their regions. This type of labor migration of Russians has common features with temporary employment in the United States, Canada, and Australia (long distance commuting — LDC), fly-in/fly-out — FIFO). The empirical basis of the article consists of the statistical data (results of the labor force survey by the Federal State Statistics Service for 2011–2019) and the results of sociological research conducted in the region with a high level of shift employment — the Republic of Bashkortostan — in 2015–2019. The statistical data prove regional differences in the Russian shift employment: the majority (72%) of internal labor migrants live in a third of the regions with high and medium levels of temporary labor migration; in some regions, the level of temporary labor migration decreases. The sociological data show different involvement in shift employment depending on place of residence, gender and age, marital status and level of education. The same social-territorial and social-demographic features are evident at the national level. At the federal level, internal labor migration, as a tool for social-economic development, helps to solve the problem of labor shortage in certain areas and sectors of economy; therefore, such labor migration is supported by legal acts. At the regional level, it decreases the labor and demographic potential of the regions that ‘provide’ labor migrants. To preserve the economic and demographic potential and to strengthen the competitiveness of such regions, we need to develop regional labor markets and labor mobility within regions.

Key words: labor migration; shift employment; regions; city; village; age groups; standards of living; family; health

* © Akhmetova G.F., 2021

The article was submitted on 02.09.2020. The article was accepted on 26.11.2020.

References

- [1] *Demograficheskie protsessy v Respublike Bashkortostan* [Demographic Processes in the Republic of Bashkortostan]. Ufa; 2019. (In Russ.).
- [2] *Itoги vyborochnogo obsledovaniya rabochei sily* [Results of the Sample Survey of the Labor Force]. 2019. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13265>. (In Russ.).
- [3] Karachurina L.B., Klimkin I.O., Andreeva E.A. Vahtovaya migratsiya v jugo-vostochnom Bashkortostane [Shift migration in southeastern Bashkortostan]. *Respublika Bashkortostan*. Vyp. 4. Pod red. A.N. Degtyareva, A.R. Kuznetsovoy, G.F. Akhmetovoy. Ufa; 2020. (In Russ.).
- [4] *Mezhdu domom i ... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost' naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. Return Spatial Mobility of the Russian Population]. Pod red. T.G. Nefedovoj, K.V. Averkievoj, A.G. Makhrovoy. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [5] Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. *Trudovaja prostranstvennaja mobilnost rossijan na primere zhitelej malyh gorodov* [Labor Spatial Mobility of Russians on the Example of Residents of Small Cities]. Preprint. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [6] Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. Zhiteli malyh i srednih gorodov Rossii: trudovaja migratsiya kak alternativa bezvozvratnomu ot'ezdu [Residents of small and medium-sized cities of Russia: Labor migration as an alternative to irrevocable departure]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*. 2019; 3. (In Russ.).
- [7] O mezhregionalnoi trudovoi migratsii v 2019 godu [On Interregional Labor Migration in 2019]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf. (In Russ.).
- [8] Nuikina E.V. Vliyanie vakhtovogo metoda raboty na primimajushhie goroda rossijskogo severa (na primere goroda Vorkuty) [Influence of shift work on the host cities of the Russian North (on the example of the city of Vorkuta)]. *Izvestiya Komi Nauchnogo Tsentra UrO RAN*. 2013; 2. (In Russ.).
- [9] Plyusnin Yu.M. Rossijskoe othodnichestvo: vekhi mnogovekovoj istorii [Russian seasonal workers: Milestones of the centuries-old history]. *ECO*. 2019; 11. (In Russ.).
- [10] Plusnin Yu.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. *Otkhodniki* [Seasonal Workers]. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [11] Trudovoi kodeks Rossijskoj Federatsii (red. ot 31.07.2020 g.). Gl. 47. Osobennosti regulirovaniya truda lits, rabotayushchikh vakhtovym metodom [Labour Code of the Russian Federation (as amended from July 31, 2020). Ch. 47. Features of Regulation of Labor of Shift Workers]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/b28df2870d3c3b2aeb65f905c59c7ddc1b139dd0. (In Russ.).
- [12] *Trudovaya migratsiya zhitelei Respubliki Bashkortostan v 2019 godu* [Labor Migration of Residents of the Republic of Bashkortostan in 2019]. Ufa; 2020. (In Russ.).
- [13] Turakaev M.S. Sociokulturnye faktory vosproizvodstva mobilnoj trudovoj zanjatosti v rossijskom regione (na primere severo-vostoka Respubliki Bashkortostan) [Social-cultural factors of the labor mobility reproduction in the Russian region (on the example of the North-East of the Republic of Bashkortostan)]. Avtoref. diss. k.s.n. Saint Petersburg; 2016. (In Russ.).
- [14] Florinskaya Yu.F., Mkrtychyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. *Migratsiya i rynek truda* [Migration and Labor Market]. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [15] Gallegos D. *Airplanes Always Come Back': Fly-in Fly-out Employment: Managing the Parenting Transitions*. Perth; 2005.
- [16] Hoath A., McKenzie H.F. *The Socio-Economic Impacts of Long-Distance Commuting on Source Communities*. Perth; 2013.
- [17] Öfner E. *In den Norden fernpendeln — Arbeitsmobilität im ruralen Baschkortostan*. Doctoral thesis. Vienna; 2017
- [18] Sibbel A *Living FIFO: The Experiences and Psychosocial Well-Being of Western Australian Fly-in/Fly-out Employees and Partners*. Edith Cowan University; 2010.
- [19] Storey. K. Fly-in/fly-out: Implications for community. *Sustainability*. 2010; 2.